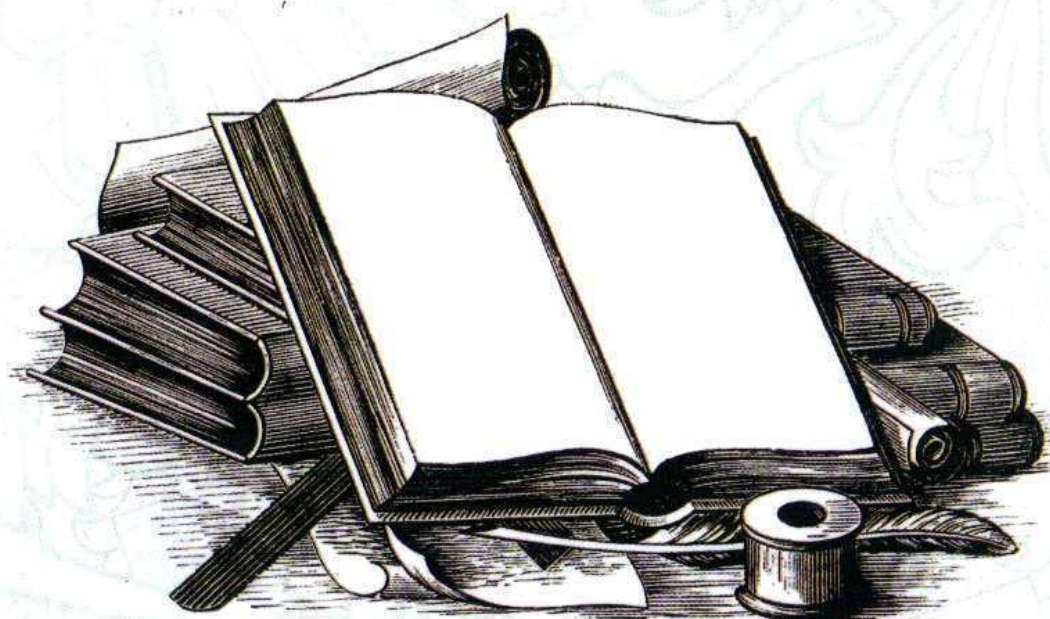

СОВРЕМЕННЫЕ ПИСАТЕЛИ РОССИИ

Андрей КРАСИЛЬНИКОВ

ТЕРПЕЛИВАЯ ИСТОРИЯ

Андрей Красильников

Терпеливая история

Издательство "Руда"

2008

Красильников А. Н.

Терпеливая история / А. Н. Красильников — Издательство
"Руда", 2008

ISBN 978-5-452-04776-6

Историко-фантастический роман о развитии России без революции 1917 года.

ISBN 978-5-452-04776-6

© Красильников А. Н., 2008
© Издательство "Руда", 2008

Содержание

Глава первая	6
Глава вторая	10
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Андрей Николаевич Красильников

Терпеливая история

Художники могли бы пытаться в развилках истории, с мерой доступной им убедительности, продвигаться также и по тропам, не выбранным историей, углубляя наше понимание событий повествованием с вариантным сюжетом.

А.И. Солженицын

© Андрей Николаевич Красильников, 2008

Глава первая

1.

Шёл тысяча девятьсот пятьдесят третий год...

Новая весна, которую с благоговейной надеждой всегда ждёт и стар и млад, обрушилась щемящей тревогой. В первый же её день поползли неотвратимой свинцовой тучей слухи о серьёзной болезни человека, казалось бы не имевшего плоти, а если и имевшего, то неподвластную обычным человеческим хворям. Реалисты сразу догадались – это конец: возраст не позволял надеяться на спасительный исход. Лучше других пугающую истину понимали врачи и те, кто стоял между ним и внешним миром. Было решено ничего не скрывать и время от времени сообщать о состоянии умирающего. Опасались за жизнь наиболее чувствительных и впечатлительных особ, почитавших бессмертным своего кумира.

Четыре дня немощное тело вбирало в себя смерть по маленькой капле. С нарастанием безнадёжности в строках медицинского бюллетеня в народе нагнетался ничем не скрываемый страх. Все привыкли к старику, обожествляли его, лишь с его именем связывали своё благополучие и до сдавливающей виски боли боялись остаться без любимого правителя, беззащитными перед хищным миром, от агрессии которого сдерживал только *он*.

Зловещее напряжение пронизывало воздух, землю, воду. Никто не радовался рождению детей, никто в эти дни не влюблялся, никому и в голову не приходило отмечать семейные праздники. Назначенные свадьбы или переносились или игрались втихомолку, в узком кругу родных и друзей. Улицы словно сковало морозом. Еле ползли трамваи, автомобили едва обгоняли пешеходов, а те понуро шаркали ногами, словно стеснялись своего здоровья.

Тем временем жизнь, за продление которой все верующие и неверующие неистово молились, кто вслух, кто про себя, догорала тоненькой копеечной свечой. Уже ничто не могло повернуться вспять, и светила медицины, призванные её спасти, чувствовали себя в состоянии либо милосердно задуть пламя, либо не давать ему погаснуть до самой последней секунды. Нарастить слой воска, удлинить не ими отмеренный фитилёк они были не в силах.

Оставалось надеяться только на чудо. И многие вполне здравомыслящие люди, лишённые даже малейшей склонности к иллюзиям, неожиданно для самих себя превращались в мистиков, верящих в потустороннюю силу. Отвести беду могла лишь она, но поскольку беда ожидалась невиданная, не сравнимая ни с чем после великого потопа, то для вмешательства небес, буде они столь всеильны, лучшего повода представиться не могло. Всё чаще и чаще в мольбу: «Боже, помоги!» вклинивалось отчаянное «если Ты есть».

Однако чуда не произошло. Вечером пятого марта больной широко открыл глаза, пытаясь не то благословить толпившихся у смертного одра, не то убедиться в их любви и лояльности, потом закрыл их и начал издавать предсмертный клёкот. Так урчит в воронке вода, прежде чем окончательно скрыться в поглощающем её отверстии.

В двадцать один час пятьдесят минут наступила недобрая тишина. С остановкой дыхания умиравшего стоявшие вокруг него инстинктивно застыли, не решаясь выпустить из исправно работавших лёгких порцию набранного в них воздуха. Это продолжалось неправдоподобно долго и кончилось покашливанием, перешедшим во всхлипы и рыдания.

За первыми траурными заботами то ли забыли, то ли умышленно не стали извещать о случившемся народ. И хотя холодящая кровь весть разлеталась стремительней метеора в августовском небе, почти во всех частях огромной страны уже привычно спали, а в самом важном её часовом поясе готовились ко сну и продолжали оставаться в неведении и наивной надежде.

Горьким плачем залились на рассвете репродукторы на улицах и в домах. Миллионы людей умылись в то утро горючими слезами. В холодных краях они так и шли на работу с нетающими сосульками на щеках.

Скорбь накрывала чёрным облаком, прижимала к земле, не давала распрямиться. Плачущие голоса сливались в один сплошной вой, способный заглушить раскаты грома.

Горе незванным и нежеланным гостем нагрянуло почти в каждый дом. Даже равнодушные, без коих не обходится мир, и горстка злорадствующих – в семье не без уroda – устрашились своих чувств и всячески скрывали их.

В тот день судьбою было предначертано окончить земной путь ещё одному великому человеку. Не случись такого совпадения, страна скорбела бы по нему. Но перенёсшие двойной удар родственники и друзья не осмелились даже известить о своей утрате. Великого человека хоронили в спешке и суете, наравне с другими несчастными, покинувшими худший из миров в роковые его минуты.

На кончину руководителя такого государства не могли не откликнуться главы других стран. Первыми отозвались в Вашингтоне, куда траурная весть пришла в разгар дня. Бывший генерал Дуайт Эйзенхауэр, лишь недавно переехавший в Белый дом и не успевший пробить там и половины от первых ста дней, послал трогательную телеграмму. Из Лондона, где ещё тоже бодрствовали, пришли сразу две. Одна от непотопляемого премьера Уинстона Чёрчилля, а другая от недавно взошедшей на престол молодой королевы, годившейся усопшему во внучки.

Что ж, когда в трёх крупнейших державах мира меньше, чем за год, практически одновременно меняются правители, можно смело говорить о наступлении новой эпохи.

2.

Страна, едва сдерживая слёзы, готовилась к похоронам. Предстояло принять множество иностранных гостей, самых высокопоставленных и высокородных, и только необходимость достойно встретить их, не ударить в грязь лицом перед самими сильными мира сего придавала силы подавленным горем людям.

Ожидалось множество сенсаций. И они не заставили себя ждать.

Едва ли не первым из крупных персон прилетел самый одиозный гость – канцлер Германии. Пришлось пожимать ему руку, принимая предварительное соболезнование. На эту неприятную встречу отрядили министра иностранных дел, уже имевшего сомнительное удовольствие общаться с воинственным немецким лидером.

Следом появился его единственный европейский доброжелатель – глава итальянского правительства. Безудержное доктринёрство и периодические всплески агрессивности делали его ещё одним маргиналом мировой политики.

Нагрянул и вождь красного Китая, не покидающий обычно необъятных пределов Поднебесной. Оторопь брала почти всех остальных от вполне реальной перспективы столкнуться с этим чудовищем бок о бок во время траурной церемонии.

Особенно тяжело приходилось наследнику покойного. Этикет и протокол требовали от него невозможного: выслушать каждого, перекинуться с ним хотя бы двумя-тремя фразами, показывая при этом знание сложившихся между своей и его страной отношений и обещая отношения эти или укрепить или исправить к лучшему.

Похороны готовила правительственная комиссия. Однако наследник категорически потребовал соблюдения всех старых традиций. По ним не полагалось никакой гражданской панихиды. Прощание должно произойти лишь во время отпевания. Это означало, что съехавшие со всего света делегации, включавшие и богохульников, и атеистов, и иноверцев, неизбежно осквернят своим присутствием православную святыню.

С предшественником почившего всё обстояло куда проще. Но с тех пор минуло почти шесть десятилетий, и мир, такой маленький и патриархальный, расширился и изменился до неузнаваемости. Дело не в том, что тогда не летали самолёты (человечество ещё не додумалось до подобного приспособления), и лишь немногие могли поспеть из-за границы на погребение. Да и летай они, не сложилось таких отношений, когда избранному в какой-нибудь Панаме или Тибетейке её крохотным населением туземному предводителю нельзя отказать постоять у гроба того, кому он в гордыне своей считает себя равным на том лишь основании, что обменялся с ним послами.

Чуден стал мир. Чуден и небезопасен. А с уходом из жизни последнего правителя, умевшего держать его даже в слабеющих руках, всё может полететь вверх тормашками. Вот почему потянулись к остывшему телу все, имевшие на то хотя бы малейшее право. Ведь важно как можно лучше понять, к какому человеку переходят бразды правления: такому же сильному и разумному или не способному исполнять доставшуюся ему партию первой скрипки в мировом оркестре.

Впрочем, мало кто из гостей сомневался, что уходит в вечность не только тот, кто собрал их вместе, но и сложившийся десятилетиями порядок. Дело даже не в личности преемника. Будь он и семи пядей во лбу – где ему было успеть набраться и сотой доли опыта предшественника! Титул, который он наследовал, не мог больше иметь в сильно изменившемся мире прежнего значения. Новопреставленный лишь донашивал надетый в юности мундир. Ещё одного такого уже не сшить никогда.

3.

Делегации всё прибывали и прибывали. Правительство, бросив прочие дела, превратилось во вселенский протокольный отдел.

– Я что, портье, что ли? – кричал председатель совета министров по телефону министру иностранных дел, выслушивая очередную просьбу предоставить приличествующие апартаменты во временную резиденцию какой-либо особо важной мировой персоне, явившейся не просто без приглашения, но и без предварительного оповещения.

Всё началось с этой английской парочки. И молодая королева с супругом, и старый премьер погрузились в один самолёт и свалились как снег на голову. Не селить же их под одной крышей!

Дурной пример заразителен. Отовсюду, где ещё оставались венценосцы, приехали и номинальный и фактический руководители. Даже из Японии, с которой вроде бы ещё и мир толком не заключён.

Также парами сочли возможным явиться и республиканские лидеры Индии и Турции. Слава Богу, в Новом Свете не позволяли себе роскошь иметь разных персон во главе государства и правительства.

Недавний опыт похорон Георга Шестого здесь явно не годился: проститься с английским монархом собралось гораздо меньше делегаций.

Последним добрался проигнорировавший воздушный способ передвижения сорокалетний вождь северных корейцев Ким Ир Сен. Явный изгой сонма властелинов мира решил воспользоваться удобным случаем, чтобы оказаться в обществе тех, кто при других обстоятельствах ни за что не позволил бы ему красоваться рядом с собой на одном фотоснимке. Его режим вёл войну со своими южными братьями при мощной поддержке обезумевшего Китая и протестах остальных стран. Ким был бы и рад пойти на мировую, но, находясь в полной изоляции, не знал, как это сделать. Вот почему он так обрадовался возможности съездить к своим великим соседям, даже по такому печальному поводу.

Не хватало только римского папы. Впрочем, и его появление в самый последний момент не исключалось.

4.

Покидая сей бренный мир, государь император Александр Александрович имел полную власть над громадной империей. Положив в первый же день правления под сукно планы своего несчастного родителя относительно парламентского устройства державы, молодой монарх вознамерился укрепить исконное русское самодержавие. В чём и преуспел. Он ни разу ни по какому поводу не созывал выборных и, казалось, раз и навсегда отучил общество от пагубной тяги к представительным учреждениям.

Сыну его, Николаю Александровичу, удалось безмятежно и полноценно поцарствовать целых десять лет. Но наступивший двадцатый век требовал уступок желанию всех и каждого приобщиться к власти. Хотя бы не самому, а через своего, а не Божьего избранника.

И всё-таки после позорного девятьсот пятого года, после уступок мятежникам и красным Николай Второй сумел остаться самодержцем. Цензовые с вожделием делили казну, принимали малозначащие законы, однако политику государства определяли не они. Государь сам вёл дипломатию, сам назначал министров и губернаторов, сам втянул страну в мировую войну.

А потом наступил тот ужасный семнадцатый год, когда всё повисло на волоске.

Глава вторая

1.

В феврале Николай отправился в Ставку один, без наследника, расхворавшегося не на шутку перед самым отъездом.

Уже одно это – повод для непроходящей тревоги, а тут ещё недобрые телеграммы о положении в Петрограде.

Оказывается, в день его приезда в Могилёв столицу охватили волнения. Началось с простой бабьей паники. Кто-то пустил слух, что скоро начнутся перебои с доставкой муки и для продажи хлеба населению введут карточки, как на сахар, поэтому нужно быстрее скупать буханки и сушить сухари.

Смели всё под чистую уже к полудню, а дальше – погромы булочных, потом других лавок, заодно почему-то трамваев и забастовки на заводах. Толпа вышла на Невский, несла красные флаги, орала: «Хлеба! Хлеба!» Конечно, всех разогнали, но до этого бунтовщики успели ранить полицмейстера и убить пристава.

Случилось это в четверг, однако государю стало известно только в субботу. Сначала тревожно телеграфировала императрица, потом в успокоительном тоне министры: военный и внутренних дел.

Но как тут успокоиться, когда даже на таком расстоянии ощущается дыхание за спиной у возмутителей спокойствия Государственной Думы. Слухи, что она готовит переворот, поползли ещё в середине февраля, когда депутаты возобновили свои занятия. Тяжёлое предчувствие вынудило оставить председателю совета министров указ о новом перерыве в работе народных представителей. Теперь придётся ему напомнить: надо только дату на документе проставить и дать ему ход.

В понедельник князь Голицын сообщил о роспуске Думы до апреля. Не успело отлечь от сердца – новая телеграмма из столицы. От командующего округом: положение угрожающее, нужно немедленно прислать надёжные войска.

Откуда же их взять? Выход один – снимать с фронта.

Не позор ли это для воюющей страны: ослаблять отпор врагу из-за собственных негодяев в тылу! Хорошо, весенняя кампания ещё не началась.

И следом – от председателя Думы. Тон – возмутительный для камергера. Содержание – ни в какие ворота не лезет: думские занятия немедленно возобновить и создать новое правительство, ответственное перед выборными от народа. Иначе – полный крах и падение династии.

От этого бреда легко отмахнуться: апокалипсические угрозы толстяка из Таврического стали уже привычными. (Ему лишний месяц отдыха дают, а он как всегда недоволен!) Но как отмахнёшься от депеши, пришедшей немного позже: правительство само просит об отставке. Проще говоря, дезертирует, когда, по его же словам, положение критическое. И тоже предлагает вместо себя ответственное перед Думой министерство.

Неожиданно объявился брат Михаил. И всё о том же: нужно срочно менять правительство! Правда, пошёл ещё дальше: просит за князя Львова. Мол, никто лучше председателя Земского союза с премьерской ролью не справится.

Что они все там – сговорились?

Похоже, надо возвращаться и самому во всём разобраться. Но не в Петроград, а в Царское Село. Судя по прыти зачинщиков беспорядков, защищать Россию будет кому и без него, а вот собственную семью защитить сможет лишь он сам.

Но прежде – отправить подкрепление столичному гарнизону. Генерал-лейтенанта Иванова с батальоном георгиевских кавалеров. И назначить главнокомандующим Петроградским военным округом. Репутация у него для такой миссии вполне подходящая: в девятьсот пятом, умирив восставших, ни одного человека не расстрелял. Орудовал добрым словом да где надо и розгами.

Ночь предстояла почти без сна. За последними инструкциями генерал приехал только в начале третьего. Разговор продлился целый час. Обсуждали – только подумать – тактику ведения действий против собственных войск, перешедших на сторону мятежников.

Лёг Николай в четверть четвёртого. Но уснул лишь в пять, под стук колёс, когда поезд наконец тронулся в путь. Проснулся в десять.

Литерный двигался неторопливо, оставляя за собой Смоленск, Вязьму, Ржев, Лихославль... События же в Петрограде развивались куда стремительнее. Вот уже и Мариинский дворец захвачен, вот уже сдано Адмиралтейство: спасая здание, генерал Хабалов вывел оттуда войска и распустил их. А ведь это оставались последние защитники порядка в столице!

Город оказался полностью в руках бунтовщиков. Офицеров пристреливали прямо на улице, городских под улюлюканье толпы топили в Неве, Мойке и Фонтанке.

Тем временем на государя телеграммами сыпались одни и те же советы: уступить бесчинствующему сброду, разрешить Думе снова собраться и создать ответственное перед ней правительство. Даже члены Государственного Совета – не все, лишь кучка прохвостов – додумались до того же!

Ночью в Малой Вишере пришлось повернуть обратно: заговорщики уже в соседней Любани, движутся навстречу. Надо продвигаться в объезд: через Бологое, Валдай, Старую Руссу.

Да, день наступает опасный. Ровно тридцать шесть лет назад, тоже первого марта революционеры убили деда, а в шестую годовщину этого преступления покушались на отца.

На узловую станцию Дно приехали лишь в пятом часу. Оттуда до Царского – рукой подать. Но придётся делать ещё один изгиб и объезжать через Псков: дальше дорога забита смутьянами.

Что ж, при таком обороте уступать им, конечно, придётся. Но не всё сразу. Пожалуй, пост премьерера и все неглавные министерства. А главные – иностранных и внутренних дел, а также военное с морским – отдавать пока нельзя. В конце концов, страна воюет, войсками командует он, дипломатами – он, а министров будут назначать депутаты? Нелепо получается.

Обо всём он сообщит лично председателю Государственной Думы. Тот рвётся в Дно и просит его подождать. Нет уж, пусть едет в Псков. Там – штаб Северного фронта, там – верные войска, там и юз под рукой: разговаривать там будет куда легче.

До Пскова добрались уже в темноте. За поздним обедом со свитскими и местным губернатором пришла телеграмма от какого-то Бубликова. Просит передать его величеству, что председатель Думы приехать не сможет.

Не сможет сам или Бубликов его не пускает? И кто такой этот Бубликов?

Не знал никто.

Пригласил после обеда на доклад командующего фронтом. Но тот не о действиях против неприятеля, не о подготовке к весеннему наступлению, а исключительно о делах государственных. (Впрочем, имеет на то право: всё-таки член Государственного Совета.) Мол, надо соглашаться на ответственное министерство и спасти тем самым династию.

А что такое династия без власти? Бессловесное пугало, защищающее блеском своего мундира чужие интересы.

– Не кажется ли вам, что во время войны государственное устройство менять неуместно?

– Как раз наоборот, – не соглашался собеседник. – Перемены позволят быстрее разгромить врага.

И это говорит главнокомандующий фронтом, охватывающим и столицу. Какие ещё нужны после такого заговорщики!

Генерала уже не остановить:

– Разве укрепляет армию череда неудачных назначений в правительстве? Кто из последних министров иностранных и внутренних дел оказался на высоте положения? Или из военных министров? А сами председатели совета министров? Недаром после Коковцова они менялись по несколько в год. Зачем венценосцу, помазаннику Божьему нести ответственность за промахи этих неспособных сановников?

(И действительно – зачем?)

– Ответственное министерство – обоюдоострый меч. Да, оно будет ответственно перед Думой. Но и Дума становится тем самым ответственной за своих протеже.

– Перед кем, генерал?

– Перед народом. Перед своими избирателями. В другой раз предпочтут иных.

– Но это – раз в пять лет. Выходит, помазаннику, ответственному за народ перед Богом, нужно уповать, что его народ не оплошает, раздавая голоса. А коль оплошает – молча терпеть пять лет бестолковое управление государством?

На это генералу нечего возразить. Не мудрено: его ли дело! Такой науке в кадетском корпусе не учат, и в академии тоже. Тут материя тонкая. Её чувствовать надо. Сызмальства. Вот почему он наследника постоянно в Ставку берёт. Не случились злополучная корь – и сейчас бы взял.

– А обер-прокурор Синода тоже будет ответственным перед Думой? Он же ведь входит в правительство. Среди депутатов иноверцы встречаются: мусульмане, иудеи, даже буддисты. Есть и католики, и лютеране. И они станут выбирать обер-прокурора православного Синода?

– Конечно, нет. Положим, ваше величество, этот случай можно сделать исключением.

– Чем же от него отличается министр иностранных дел? Верительные грамоты даёт и принимает монарх. Даже в Англии. А лицо, возглавляющее посольский приказ, как называлось у наших предков, назначит не он, а депутаты?

Молчит генерал.

– И вам в начальники военным министром определяют какого-нибудь Бубликова. Особенно это уместно во время войны. Нет уж, всех министров делать ответственными перед выборными никак нельзя. И потом встаёт самый насущный вопрос: кто будет назначать Верховного Главнокомандующего. Уж не депутаты ли? Или составленное ими правительство?

Главнокомандующий фронтом с трудом подбирает слова:

– Боюсь, ваше величество, на такое усечение они не пойдут. Дума сегодня – полный хозяин в Петрограде. А хозяину и права нужны хозяйские.

– Положим, самочинно присвоенное считается воровским, а не хозяйским. Да и один Петроград ещё не вся Россия.

– Но это же столица! Переворот в провинции называется мятежом, а в столице – революцией.

– Столица там, где престол. Будут упорствовать – её назад в Москву недолго перевести. Или в Киев. А то и в Ялту. Притом не испрашивая согласия ни у каких выборных.

Спор грозил зайти ой как далеко! Но разрядил обстановку приезд начальника штаба с новым телеграфом из Ставки. Генерал Алексеев нижайше умоляет незамедлительно подписать манифест об ответственном министерстве, чтобы наутро его уже распустили. Якобы его сами штабные составили.

(Их ли забота? И что они смыслят в государственном праве?)

Николай быстро пробежал глазами присланный проект.

– А это ещё что? – он ткнул пальцем в пункт о поручении сформировать новое правительство нынешнему председателю Думы.

Главнокомандующий, не решавшийся заглядывать через плечо государя, прочитал телеграмму.

– Заварившему кашу её и расхлёбывать. Вроде бы логично, ваше величество.

– Логично? Требуют ответственного перед представителями народа министерства, а премьера просят назначить высочайшим манифестом? Что ж, телеграфируйте в Ставку и в Думу, что ответ они получают завтра утром.

Генералы откланялись, даже не предложив перебраться на ночь в город. Впрочем, он бы и не согласился: сейчас дорога каждая минута.

Нет, написанное чужой рукой он больше подписывать не станет. Хватит ему последствий той октябрьской поспешности девятьсот пятого года. И манифеста они тоже не дождутся. Вернее, манифест последует, но как описание высочайшей воли. К нему же будет добавлен документ, который не только его, но и этих смутьянов свяжет по рукам и ногам серьёзными обязательствами.

Не меньше часа размышлял государь. Потом пригласил престарелого министра двора и дворцового коменданта, его зятя. Обоих уже пришлось будить.

– Господа, настал час мужественных решений. Как вы знаете, власть в Петрограде принадлежит больше не нам, а силам беспорядка, предводительствуемым незаконно действующей Государственной Думой. Пока нет никаких признаков влияния на события экспедиции генерала Иванова. Ставка же просит издать манифест, узаконивающий фактическое положение. То есть благословляющий революцию.

Все ждут уступок от верховной власти. Однако при сложившемся двоевластии уместней говорить о взаимных уступках.

Николай выдержал долгую паузу.

Старик-министр не удержался и спросил:

– Следует ли понимать слова вашего величества как признание иной власти в империи, кроме династической?

– Я долго думал над этим, граф, и пришёл к выводу, что власть действительно раздвоилась. От ствола нашей государственности, каковым остаётся правящий Дом, пошла новая сильная ветвь, олицетворяемая представителями от народа. При этом другая, растущая от того же ствола, – исполнительная – иссохла. Тем временем новый побег дал ещё один отросток. Да, он был бы лишним при прежнем правительстве, позорно разбежавшемся от горстки мятежников. Но теперь встаёт непростой вопрос: пилить сухое или живое.

Царь посмотрел сначала на испуганного министра двора, потом на коменданта. Понимание отражалось лишь в глазах последнего.

– Мне сейчас очень тяжело. Но куда тяжелее станет, если не признать свершившегося. Обычного манифеста сегодня мало. Коль властей стало две, то самый разумный выход: заключить между ними договор. Мы признаем за представителями народа их полномочия, но и они должны признать наши. Иначе за девятьсот пятым и девятьсот семнадцатым последует ещё какой-нибудь несчастный год, когда толпа бунтовщиков потребует себе новых прав. Этот безудержный поток лёгкой дамбой манифеста, как показал опыт Семнадцатого октября, не перегородишь – нужна мощная плотина. Подготовьте телеграмму председателю Думы.

Кивком головы государь показал дворцовому коменданту на лежавший на столе чистый лист бумаги и продиктовал:

– Чрезвычайные обстоятельства требуют чрезвычайных мер. Верховная власть готова разделить с представительной заботы о государственном устройстве при условии, что права и обязанности каждой отразятся в совместном договоре. В связи с объявленным нами перерывом в занятиях Думы предлагаем незамедлительно прислать в Псков с проектом договора делегатов от общественности.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.